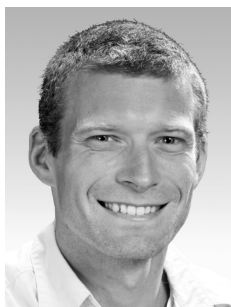

ПРИКЛАДНАЯ КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ И КОРРУПЦИИ

Р. ФИШЕР

Фишер Рональд (Ronald Fischer) — преподаватель Университета Королевы Виктории (Веллингтон, Новая Зеландия), сотрудник Центра прикладных кросс-культурных исследований, PhD. Региональный представитель Исполнительного комитета Международной ассоциации кросс-культурной психологии в Австралии и Океании, член редколлегии журналов «Journal of Cross-Cultural Psychology», «Asian Journal of Social Psychology», «Applied Psychology» и др. Автор более 30 научных публикаций в ведущих международных рецензируемых журналах. Сфера научных интересов: ценности, социальные и культурные нормы, кросс-культурная организационная психология, межгрупповые конфликты и т.д.
Контакты: ronald.fischer@vuw.ac.nz

Резюме

Какой вклад может внести кросс-культурная психология в дискуссии по поводу социальных изменений и развития общества? Я утверждаю, что кросс-культурные исследователи могут деятельно участвовать, по крайней мере, в трех областях: а) исследование социально значимых процессов, б) разработка и реализация культурно-сенситивных программ изменений и в) культурно-сенситивная оценка существующих программ изменений с тем, чтобы они в большей степени отвечали потребностям сообществ. Я приведу два примера, которые имеют отношение к первому из обозначенных аспектов, поскольку эта область ближе всего к текущим кросс-культурным исследованиям. Я рассматриваю последнюю работу по пониманию кросс-культурных различий благополучия (Fischer, Boer, 2011) и изучение изменений коррупции с ходом времени (O'Connor, Fischer, 2012). Как кросс-культурное исследование может способствовать развитию и благополучию общества? Каковы те средства, которые психолог, интересующийся культурой, может использовать для информирования политиков и принятия политических решений? Как мы можем сделать кросс-культурные исследования релевантными повседневным действиям и событиям, принимая во внимание широкий круг проблем, с которыми человечество сталкивается в ходе глобализации, изменения климата и растущую взаимозависимость на глобальном уровне?

В данной статье я попытаюсь обрисовать три различных пути, которые могут помочь в поиске ответов на этот широкий круг вопросов, и обращение к которым может помочь сделать более четкими наши базовые исследовательские теории, а также способствовать пониманию глобальных проблем и их регулированию. Я детально рассмотрю два современных примера с использованием традиционного кросс-культурного исследования и попробую показать их потенциал в решении злободневных вопросов.

Ключевые слова: *прикладная кросс-культурная психология, благополучие, коррупция, ценности.*

Прикладная кросс-культурная психология применительно к социальным изменениям и развитию

Кросс-культурная психология как дисциплина возникла после Второй мировой войны, принесшей чудовищные страдания и вместе с тем ставшей причиной взаимодействия между людьми в масштабе, который был беспрецедентным в истории человечества. Десятилетия второй половины XX в. характеризовались массовыми перемещениями и обменом между популяциями всех населенных частей планеты, осталось совсем мало изолированных культурных групп, у которых не было бы никаких контактов с внешним миром. Кросс-культурная психология как дисциплина бросила вызов господствовавшей тенденции в науке, выразив предположения об универсальных процессах в психологии, и стремилась исследовать универсальность и разнообразие психологических процессов в человеческих сообществах по всему миру. Многие из этих попыток возникли вследствие практических потребностей на мест-

ном уровне, но в то же самое время повторение психологических феноменов, установленных на выборках США и Западной Европы, как и фундаментальные научные исследования, сыграли важную роль. Столкнувшись сегодня с многочисленными проблемами глобализации, фокус кросс-культурной психологии также должен переместиться на то, как могут быть применены исследования, чтобы отвечать задачам, вызванным глобализацией, индустриализацией и изменениями культурных практик.

Я представляю себе три непосредственных варианта для вовлечения кросс-культурной психологии в решение этих вопросов. Первый вариант заключается в сосредоточении на лучшем понимании психологических процессов, связанных с важными социальными последствиями. Ведутся многочисленные дебаты о том, как можно сделать общество более гуманным, здоровым и процветающим. Какие психологические процессы связаны с этими результатами? Тут сильной стороной кросс-культурной психологии является квази-экспериментальная природа культуры. Общества различаются между

собой по целому ряду важных характеристик и их потенциальных детерминант. Кросс-культурные психологи могут изучать эту вариабельность и наблюдать, какие переменные наиболее вовлечены в возникновение различающихся характеристик разных обществ. Здесь важно открытое, но критическое размышление о потенциальных детерминантах, потенциальных составляющих факторах этих различий. Как только конкретные переменные определены в качестве потенциально значимых, могут быть проведены более контролируемые эксперименты для проверки причинно-следственных связей. Не все переменные могут контролироваться в экспериментальных условиях (подумайте, например, о трудностях влияния на национальную историю или сезонные практики). Эта опция, возможно, наиболее близка стандартному психологическому исследованию. Основное отличие заключается в более тесном взаимодействии предметов научного исследования и вопросов, имеющих практическую и социальную значимость. Ниже я опишу некоторые исследования в этой области.

Во-вторых, кросс-культурные психологи могут заниматься созданием и внедрением культурно-сенситивных интервенций, которые отвечают практическим проблемам. Психологи, интересующиеся культурой, достигли некоторых успехов в создании и запуске межкультурных обучающих программ (Bhawuk, 1998; Fischer, 2011). Тем не менее программы, сфокусированные на совершенствовании и изменении поведения отдельных людей и групп, в значительной степени перешли к специа-

листам по общей психологии или другим дисциплинам (например, специалистам по проблемам развития, экономистам, социологам, политологам). Только некоторые программы при попытке изменить поведение использовали культурно-сенситивный подход (Khaled et al., 2009).

В-третьих, кросс-культурные психологи могут больше привлекаться к экспертизе уже существующих программ изменений, когда они используются и внедряются в различных культурах по всему миру. Например, микрокредитование — предоставление небольших займов отдельным людям или группам — использовалось во многих сообществах, находящихся в неблагоприятном положении, для борьбы с бедностью и для содействия экономическому росту. Однако мы очень мало знаем об эффективности этих инициатив, особенно о том, как они соответствуют многочисленным культурным нормам, убеждениям и практикам. Например, исследование Д. Карлан (Karlan, Zinman, 2011) показало, что микрокредитование на Филиппинах привело к уменьшению предпринимательских инициатив и более высокому стрессу у людей, получивших кредит, что противоречило ожиданиям. Это исследование было проведено экономистами, которые мало интересовались изучением культурных (и даже психологических) процессов. Кросс-культурные психологи могут сделать значительный вклад в такие исследования и помочь оценивать программы с той целью, чтобы они лучше соответствовали потребностям сообществ.

Я буду говорить о двух примерах исследований, которые определенно

соответствуют первому из описанных мною выше исследовательских подходов. В данном случае целью является получение лучшего представления о психологических, культурных и социальных факторах, которые оказывают влияние на значимые социальные последствия. Первое исследование сконцентрировано на предикторах благополучия, второе имеет отношение к коррупции. Благополучие — это основная проблема для обществ по всему миру. Французский президент Н. Саркози собрал специальную экспертную группу, в которую входят лауреаты Нобелевской премии, экономисты Джозеф Стиглиц и Амартия Сен, для исследования вопроса о том, что способствует росту благополучия и счастья населения. В Соединенном Королевстве раз в квартал проводятся репрезентативные исследования благополучия, что помогает государственному планированию и соответствующему реагированию. В Китае правительственные чиновники в настоящее время оцениваются с той точки зрения, способствуют ли они повышению уровня счастья своих избирателей. Следовательно, понимание благополучия стало основной заботой политиков на всем земном шаре. Вначале я представлю обзор последних исследований по этой теме.

Коррупция и транспарентность политики, с другой стороны, занимали умы политиков, философов и политологов тысячелетиями. Один из основных вопросов, которым, тем не менее, не занимались, — это вопрос о том, какие факторы могут повлиять на изменение уровня коррупции с ходом времени. К этому

вопросу, среди прочих, обратились С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012), и он будет рассматриваться при завершении данной статьи.

Благополучие народов

Как уже было упомянуто выше, благополучие народов стало центральным вопросом для экономистов, высокопоставленных политиков и специалистов в области общественных наук. Большинство исследований посвящено выявлению предикторов благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью граждан различных стран по всему миру. Исследования выявили ряд показателей благополучия, включая такие индикаторы, как хорошее управление страной, демократические институты, более высокий доход и социальное равенство (Diener et al., 1995; Stevenson, Wolfers, 2008; Veenhoven, 1994). В то время как экономисты больше сосредоточились на материальных благах (Stevenson, Wolfers, 2008), психологи больше внимания уделяют культурным ценностям, в частности индивидуализму (Diener et al., 1995; Diener et al., 2003; Hofstede, 2001). Вопрос заключается в том, что более важно для благополучия: обеспечивать людей деньгами или предоставлять людям возможность выбора и автономии в их жизни? Сравнительно мало исследований рассматривают, какие из этих двух переменных более тесно связаны с индикаторами благополучия в разных странах, контролируя при этом другие переменные. Также может быть вполне вероятно, что богатство и индивидуализм влияют друг

на друга за счет своей связи с другими переменными, такими как благополучие (Arrindell et al., 1997; Fischer, Hanke, 2009). Более того, разворачиваются многочисленные дискуссии о том, имеют ли место линейные эффекты или существует «точка насыщения», после которой увеличение богатства не приводит к дальнейшему росту благополучия (Diener, Seligman, 2004; Kenny, 2005). Таким образом, оказывается важным изучать как нелинейный эффект, так и взаимодействие этих переменных.

Последние исследования, направленные на изучение благополучия, счастья или удовлетворенности жизнью, базируются на данных, полученных в опросах общественного мнения, таких как Всемирное исследование ценностей (Inglehart, 1997), Европейское социальное исследование (Moore, 2006) или исследование Р. Вееenhoфена (Veenhoven, 1999, 2009). В этих опросниках от респондентов обычно требуется определить степень счастья или удовлетворенности жизнью на основе единичных вопросов или небольшой серии вопросов. Психометрические характеристики и валидность этих индикаторов не выявлены, и требуются исследования для поиска инструментов, которые обладали бы доказанной валидностью (Diener, 2006) или где был бы преодолен «индивидуалистический» уклон в измерениях (Christopher, 1999). Следовательно, важно посмотреть, могут ли полученные в прошлом данные быть воспроизведены при помощи клинических измерений благополучия. Так, например, в исследовании Р. Фишера и Д. Бёр анализировались различия в трех признанных опрос-

никах: общего здоровья (Goldberg, 1972), выгорания (Maslach, Jackson, 1981) и тревожности (Spielberger et al., 1970).

Вклад исследования Р. Фишера и Д. Бёр заключался в трех моментах: а) они исследовали сравнительную значимость богатства в сравнении с истолкованием национального благополучия с точки зрения культуры, б) изучали нелинейный эффект и эффект взаимодействия этих переменных на уровне стран и в) использовали психометрически качественные и хорошо валидизированные способы измерения благополучия. Этих целей авторы смогли достичь за счет проведения серий метаанализов с использованием средних значений по тем же методикам в исследованиях 40-летней давности на взрослых выборках (это позволяло также провести анализ изменений с учетом времени). Они разработали и применили трехуровневую иерархическую модель со смешанными эффектами, разделяя влияния на уровне исследования и на уровне страны, а также влияния метода и интересовавших их действительных результатов. Дополнительным преимуществом этого многоуровневого подхода было то, что полученные данные могут быть генерализованы за пределы конкретных выборок, входивших в исследования (Lipsey, Wilson, 2001).

Исследования различий уровня благополучия в разных обществах

Данные, полученные на больших репрезентативных выборках с использованием отдельного вопроса для оценки удовлетворенности

жизнью и счастья, доступны для все большего числа стран и демонстрируют определенное стойкое разнообразие между обществами. Экономисты, политологи и в особенности социологи очень заинтересовались объяснением различий между обществами, поскольку полученные данные обладают потенциально большим значением для системы управления и повышения благополучия сообществ. Должны ли политики стимулировать или сдерживать экономический рост и приводит ли увеличение дохода к большему благополучию общества (или нет)?

Например, Б. Стивенсон и Дж. Вольферс (Stevenson, Wolfers, 2008) в своем обзоре существующих массивов данных обнаружили устойчивый положительный эффект абсолютного дохода: больший доход связан с большим уровнем благополучия. П. Шинс (Schyns, 1998) по данным WVS выявил, что и индивидуализм, и уровень дохода связаны со счастьем, но что эффект индивидуализма исчезает, если контролировать доход. Если разделить страны по уровню богатства, то в богатых странах эффект индивидуализма воспроизводился, в бедных странах этот эффект пропал. Р. Вееenhoфен (Veenhoven, 1993, 1999) показал, что взаимосвязь между богатством и счастьем нелинейная, а эффект дохода ослабевает, когда достигается точка насыщения. К. Кенни (Kenney, 2005) также описывал более сильную взаимосвязь между уровнем дохода и данными Р. Вееenhoфена в развивающихся странах. Аналогичным образом Бонини (Bonini, 2008), используя многоуровневое моделирование и данные WVS, отмечал, что

на индивидуальном уровне влияние дохода на удовлетворенность жизнью снижалось в странах с более высоким доходом. Д. Ван Хемерт (Van Hempt et al., 2002) установил, что уровень депрессии (негативного аффекта) был выше в менее обеспеченных, менее демократически стабильных и более коллективистских обществах.

Данные ряда исследований согласуются в том, что благополучие связано как с богатством, так и с ценностями (особенно ценностями автономии и индивидуализма). Отдельно эффекты влияния богатства или индивидуализма трудно дифференцировать, так как и то и другое может быть индикатором «модернизации» (Inglehart, 1997). Названные исследования были сосредоточены на независимых следствиях обеих совокупностей переменных. Как уже обсуждалось выше, имеют место признаки того, что богатство и индивидуализм могут на самом деле взаимодействовать друг с другом (Schyns, 1998). Также предполагается, что имеют место нелинейные эффекты богатства (Veenhoven, 1991). Современные данные подтверждают нелинейные взаимосвязи в некоторых исследованиях (Veenhoven, 1993), но не во всех (Diener et al., 1995; Stevenson, Wolfers, 2008). Необходимо тщательно изучить эти нелинейные эффекты и эффекты взаимодействия.

Теоретические объяснения различий между обществами

Сначала Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Voeg, 2011) провели обзор имеющейся литературы по благополучию и материальному богатству.

Обращение к такому показателю, как богатство, к теории потребностей (Schyns, 1998) и «livability theory» (теория, касающаяся минимума необходимых ресурсов для комфортной жизни) (Veenhoven, 1995) указывало на линейный прирост дохода и экономического процветания, которое связывалось с более высоким уровнем благополучия. Улучшение широко определяемых объективных условий жизни (образование, доход, равенство, стабильность, свобода и т.д.) ассоциируется с большим счастьем. Следовательно, большее богатство предоставляет лучшие возможности для удовлетворения потребностей и дает возможность жить более комфортно.

Данный теоретический подход представляется совместимым с нелинейными моделями, потому что это предполагает снижение предельной полезности дохода: когда базовые потребности, для реализации которых необходимы денежные средства, удовлетворены, дальнейший прирост богатства больше ничего не добавляет к общему уровню счастья (Diener et al., 1993; Diener, Seligman, 2004; Veenhoven, 1991). Этот аргумент является центральным в тезисе Р. Инглхарта (Inglehart, 1997) о постмодернизме. В контексте экономического дефицита, небольшое увеличение количества денег влечет за собой сравнительно многочисленные улучшения (например, в еде, одежде, безопасном жилье, медицинском обеспечении). Тем не менее, когда базовые потребности удовлетворены, дальнейший экономический рост не приведет к продолжению увеличения уровня благополучия. «С этого момента внеэкономические аспекты

жизни приобретают все более значимое влияние на то, как долго и насколько хорошо живут люди» (там же, р. 65). Поэтому нелинейная гипотеза связана с уменьшением предельной полезности дохода.

Дальнейшее развитие этого аргумента может помочь согласовать приведенные данные с доводами о растущей распространенности среди граждан США оценки себя как несчастливых людей, несмотря на беспрецедентное богатство страны (Lane, 2000; Schwartz B., 2000). Более высокий уровень дохода может приводить к негативным психологическим процессам, которые подрывают ощущение благополучия. Погоня за престижными товарами для того, чтобы повысить свой социальный статус, приводит к непрерывному изменению исходной точки отсчета. Это ситуация, когда, выигрывая в одном, проигрываешь в другом (не каждый может быть состоятельным), и при этом каждый вовлекается в негативное сравнение себя с состоятельным человеком, который, в свою очередь, скорее всего, ощущает себя менее благополучным (Binswanger, 2006; Hsee et al., 2008; Schwartz, 2004, 2010).

Второй механизм снижения уровня благополучия обсуждался в разных терминах, таких как «multi-option treadmill» (данный термин отсылает к попытке сделать лучший выбор из многих имеющихся в наличии возможных альтернатив, что вызывает стресс у человека, возникающий в результате необходимости выбрать оптимальный вариант, избежав негативных альтернатив) (Binswanger, 2006), «тирания свободы» (Desmeules, 2002; Schwartz, 2000) и

«перегрузка выбором» (Brenner, Rottenstreich, Sood, 1999; Iyengar, Lepper, 2000) в экономике, маркетинге и психологии. Однако отметим общее для всех подходов: наряду с тем, что отсутствие выбора связывается с отрицательной оценкой благополучия, увеличение возможности выбора позволяет людям пережить экономическую свободу и удовлетворить потребности. Однако в ходе дальнейшего роста возможностей выбора люди перегружаются информацией, они переживают издержки выбора (каждая выбранная альтернатива будет означать, что остальные, равным образом желанные варианты больше не доступны), людям становится свойственно испытывать сожаления после принятия решения или винить себя за принятие не самых оптимальных решений (Binswanger, 2006; Desmeules, 2002; Hsee, Hastie, 2006; Hsee et al., 2008; Schwartz B., 2010), поэтому увеличение богатства сверх пределов необходимого для удовлетворения базовых потребностей в сочетании с увеличением возможностей выбора в материальной сфере связано с негативными психологическими процессами и может приводить к общему снижению субъективного благополучия.

Если обратиться к влиянию ценностей, то выявляется, что механизм, лежащий в основе их взаимосвязи с индивидуализмом—коллективизмом, затрагивает не только материальные факторы. Наиболее вероятное теоретическое объяснение этого заключается в том, что индивидуалистские общества предоставляют индивидуумам больше свободы принимать решения относительно своей жизни и осуществлять выбор (Diener et al.,

1995; Veenhoven, 2008), а также меньше требуют жертвовать собой ради группы (Suh, Koo, 2008). Приписывание успеха в жизни собственной активности человека также может делать свой вклад в более высокий уровень благополучия (Diener et al., 1995). В модели культурных ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 1994, 2004) индивидуализм обозначает аффективную и интеллектуальную автономию. В обществах, придающих значение этим двум типам автономии, люди получают поощрение в своем стремлении иметь эмоционально приятный опыт, от них ожидается культивирование и выражение своих собственных идей и нахождение смысла в своей уникальности.

Теория самодетерминации (Ryan, Deci, 2002) вносит предположение, что удовлетворение универсальных потребностей в автономии, принадлежности и компетентности связано с большим уровнем счастья и благополучия. Если люди могут удовлетворить эти потребности, их уровень благополучия должен быть высоким. В литературе по самодетерминации автономия представлена как последовательно связанная с большим благополучием в различных культурных контекстах (Chirkov et al., 2003, 2005). В социологии большая свобода выбора, автономия и активность стабильно связываются с ростом удовлетворенности жизнью, что продемонстрировано на 80 сообществах как в лонгитюдном исследовании, так и в поперечных срезах (Inglehart et al., 2008; Welzel, Inglehart, 2010). Объясняя различия в восприятии степени свободы, исследование указывает на важность демократии,

экономического развития и либеральных ценностей (Inglehart et al., 2008; Johnson, Lenartowicz, 1998; Welzel et al., 2003; Welzel, Inglehart, 2010). В общем и целом эти данные свидетельствуют в пользу причинной связи, при которой бóльшая свобода, предоставленная людям в более индивидуалистических обществах, превращается затем в бóльшие возможности выбора и возможности развиваться и следовать своим собственным целям, в конечном счете это приводит к большему благополучию как индивидов, так и обществ в целом.

Как и в ситуации с богатством, в этом случае тоже высказывались мнения о том, что эта тенденция не может продолжаться бесконечно: слишком много свободы личности и автономии могут быть не самым лучшим вариантом для людей и приводить к одиночеству, утрате идентичности и опустошенности (Barber, 2003; Cacioppo, Patrick, 2008; Cushman, 1990; Hogg, 2007; Schwartz B., 2010). Этот «постмодернистский парадокс» (Hogg, 2000, p. 231), по сути, снижает уровень благополучия за счет утраты социальных связей (Cacioppo, Patrick, 2008; Lane, 2000; Veenhoven, 1999), оставляя людей с недостаточной сетью социальной поддержки в одиночку справляться с кризисами или негативными событиями жизни (Lane, 2000; Veenhoven, 1999). Более того, чрезмерный индивидуализм связан с целым рядом факторов, которые затем расшатывают коллективное благополучие, такими как негативные социальные установки (религиозный фундаментализм, национализм, расизм, например: Barber, 2003), разрушение соци-

ального капитала (Flanagan, Lee, 2003; Putnam, 2000; см. контрагументы: Welzel, 2010), приверженность материальным ценностям и потребление с целью заполнения внутренней опустошенности (Cushman, 1990; Schwartz B., 2004, 2010).

Умеренный уровень индивидуализма, который уравнивает потребности человека в автономии и связанности с другими людьми, может быть наилучшим вариантом (Kagitcibasi, 2005; Vaclair et al., 2011) и приводить к самым высоким показателям благополучия. Следовательно, чрезмерный индивидуализм в западных обществах связан с понижением уровня благополучия за счет ослабления социальных связей, роста негативных социальных установок и приверженности материальным ценностям.

Рассматривая этот широкий спектр теоретических подходов, связанных с богатством, индивидуализмом и благополучием, Р. Фишер и Д. Бёр задались вопросом: что более значимо для благополучия – обеспечивать индивидов в среднем бóльшим количеством денег или предоставлять автономию так, чтобы индивиды могли делать свой собственный выбор в жизни? Существует ли тот предел, когда последующий рост богатства или автономии может иметь негативные последствия?

В первом исследовании Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Boer, 2011) изучали колебания в уровне благополучия, измеренного при помощи опросника общего здоровья (GHQ) Д. Голдберга (Goldberg, 1972). Это наиболее популярный опросник как для исследования населения в целом, так и на

уровне сообществ. Авторы проанализировали 274 статьи, в которых приводились данные 400 выборок с участием 260 449 респондентов в 54 странах.

В своей трехуровневой модели метаанализа они обнаружили явное подтверждение влияния автономии, как и кубическую тенденцию для богатства и автономии. Кроме того, они выявили эффект взаимодействия между автономией и богатством. Общая нелинейная тенденция влияния уровня богатства находилась в соответствии с данными наблюдений отрицательного влияния экономического выбора и богатства («тирания свободы»). Аналогичная тенденция была выявлена для автономии, что можно рассматривать как некоторое подтверждение аргументов «постмодернистского парадокса». Слишком много богатства и автономии могут быть вредны. И наконец, взаимодействие между автономией и богатством наводит на мысль, что автономия наиболее значима в бедных странах, тогда как в богатых странах высокая степень индивидуализма и богатства не очень помогает понижению негативных показателей благополучия. Этот вывод поддерживает аргумент «компенсации внутренней опустошенности посредством потребления», свидетельствующий о том, что чрезмерный индивидуализм в богатых обществах имеет негативные побочные эффекты для благополучия.

В своем втором исследовании авторы изучали тревожность, которая измерялась опросником Спилбергера «Состояния и свойства тревожности» (Spielberger, Gorsuch, Lushene, 1970). Это короткая анкета

для самозаполнения, измеряющая тревожность, в которой проводится разграничение между такими уровнями тревожности, как состояние (временное ощущение) и свойство (более устойчивая тенденция). Поиск в базе данных PsychInfo и изучение опубликованных материалов привели в результате к тому, что было найдено 1007 источников, в итоге окончательная выборка состояла из 123 выборок 25 стран с 21 993 участниками по личностной тревожности и 124 выборок 28 стран с 15 596 участниками по ситуативной тревожности. Их результаты позволяют предположить, что как большее богатство, так и большая автономия связаны с меньшей тревогой, если рассматривать их по отдельности, но только автономия остается значимой, когда то и другое вводятся одновременно. Следовательно, результаты снова указывают на явное и выраженное влияние автономии. Не было выявлено эффектов взаимодействия, но проявилась некоторая сложная нелинейная взаимосвязь с богатством, позволяющая предположить, что богатство не связано напрямую с тревожностью. Вопреки аргументам «свободы выбора» и «multi-option treadmill» больший доход в богатых странах оказался связан с понижением тревожности (уровень благополучия выше). Была отмечена слабая тенденция изменения ситуационной тревожности, свидетельствующая в пользу аргументов «постмодернистского парадокса».

Наконец, в третьем исследовании Р. Фишер и Д. Бёр (Fischer, Voer, 2011) изучали различия в уровне благополучия, используя опросник по определению выгорания К. Маслач и

С. Джексона (Maslach, Jackson, 1981), специально сконцентрировавшись на компоненте эмоционального истощения, потому что это наиболее распространенный и наиболее полно описанный аспект выгорания (Maslach et al., 2003). Он оценивает степень индивидуального стресса выгорания и обращается к переживанию перенапряжения и ощущению истощения, с точки зрения эмоциональных и физических ресурсов. Для проведения исследования был взят материал 200 статей и 274 выборки с общим числом испытуемых 132 556 из 25 стран. И автономия и богатство были значимо связаны с эмоциональным истощением, если их рассматривать по отдельности, но только автономия оставалась значимой, если они вводились одновременно. Взаимодействие переменных также было значимым. Была отмечена незначительная отрицательная корреляция между индивидуализмом и эмоциональным истощением в богатых странах, но при этом очень высокая отрицательная корреляция в бедных странах, что воспроизводило паттерн первого исследования и подтверждало аргументы «компенсации внутренней опустошенности».

Во всех трех исследованиях было выявлено, что предоставление индивидуумам выбора в их жизни являлось хорошим индикатором уровня их психологического благополучия. С помощью различных индикаторов, разработанных в клинических исследованиях, был исключен ряд альтернативных объяснений, которые могли угрожать результатам прошлых исследований, включая валидность измерений и культурные предубеж-

дения. Эффекты взаимодействия были новыми и теоретически интересными, поскольку они привнесли особый нюанс в теорию потребностей и «livability theory». Если потребности не удовлетворены, большая свобода все равно может обуславливать некоторые возможности для улучшения благополучия. Напротив, в более обеспеченных обществах, где потребности легко удовлетворяются и потребление перемещается в направлении предметов роскоши, предоставление индивидуумам автономии может повысить уровень негативного восприятия благополучия в результате слишком большого доступного выбора и наличия слишком большого количества противоречащих потребностей. Кроме того, может иметь место давление в направлении конкуренции за увеличение благополучия и счастья, что, в сущности, подрывает благополучие. Следовательно, индивидуалистические общества переживают насыщение автономии, когда удовлетворяются потребности. Большая автономия в менее обеспеченных сообществах имеет некоторые положительные последствия вне зависимости от материальных условий.

Процветание не оказывало воздействия на благополучие коллективистских сообществ в такой же степени. Большее экономическое развитие было связано с понижением уровня негативной оценки благополучия, но эти эффекты были не такие явные, как в индивидуалистическом контексте. Наши результаты показывают, что «теория благоустроенности жизни» и культурная теория взаимодействуют и в своем сочетании помогают постичь существенные моменты,

касающиеся социального благополучия.

Что касается первоначального вопроса, поставленного политиками, о значимости денег или автономии, результаты исследований позволяют предположить, что предоставление автономии индивидуумам разных стран в целом имеет более масштабное и более стойкое влияние на психологическое благополучие, чем деньги. Деньги ведут к автономии (Welzel et al., 2003), но возникает впечатление, что это не увеличивает ощущения благополучия или счастья. Таким образом, деньги и богатство могут быть полезным средством для достижения свобод, которые затем могут делать вклад в уровень благополучия в обществе до определенного момента. Исследование наводит на мысль о том, что обществу необходимо сохранять равновесие жажды автономии и богатства — это важная информация для политиков.

Понимание временной динамики уровня коррупции

Коррупция — широко определяемая как *злоупотребление* должностью, доверием или властью для личной выгоды (Lambsdorff, 2006) — поставила в тупик исследователей и специалистов-практиков. Почему некоторые страны характеризуются значительным уровнем коррупции, тогда как в других странах уровень коррупции низкий и был таковым значительное время? Является ли коррупция несчастьем только бедных стран (Svensson, 2005)? Или есть иные переменные, кроме социального богатства, связанные с различиями уровня коррупции в разных

странах и с изменениями уровня коррупции в каждой из стран с ходом времени?

Важно найти ответ на этот вопрос для понижения уровня коррупции. Всемирные организации, такие как Transparency International (Transparency International, 2009), утверждают, что снижение коррупции важно для достижения социальных и экономических целей. Исследования также указывают на то, что коррупция имеет неблагоприятные последствия для социальной справедливости и оптимального распределения государственных средств (Gupta et al., 2002; Méon, Sekkat, 2003). Несмотря на это, факторы, ведущие к коррупции, плохо изучены. Теоретики ряда дисциплин разработали экономические, институциональные и социокультурные объяснения того, как и почему возникает коррупция (Becker, Stigler, 1974; Connelly, Ones, 2008; Rose-Ackerman, 1978; Zim, 2005). Обычно исследователи стремились проверять эти теории, анализируя отношения между уровнем коррупции в стране («социальная коррупция») и такими разнообразными переменными, как богатство, политические институты и социальные ценности (Connelly, Ones, 2008; Goel, Nelson, 2008; Sandholtz, Taagepera, 2005). С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) сделали свой вклад в эту область исследований, проанализировав долговременные влияния переменных на уровне стран, которые обычно ассоциируются с коррупцией в кросс-национальном и временном аспектах. Авторы сфокусировались на индексе восприятия коррупции — одной из наиболее часто применяющихся оценок

уровня коррупции в международном масштабе (Treisman, 2007) — в качестве индикатора социальной коррупции и затем связали его с динамикой социальных ценностей, богатства и политических институтов в лонгитюдинальной многоуровневой модели.

Экономисты утверждают, что социальная коррупция представляет собой сумму коррупционной активности отдельных людей и что люди вовлекаются в коррупционные действия, когда возможность незаконно присвоить государственные средства совпадает с их личным побуждением к противоправным действиям (Becker, Stigler, 1974; Rose-Ackerman, 1978; Treisman, 2000; World Bank, 2009). Побудительный мотив сильнее, если присутствуют низкая вероятность раскрытия, отсутствие строгих взысканий и значительная выгода от коррупционных действий; и он меньше, если имеется высокая степень ответственности. Благоприятных возможностей больше, когда ресурсы, которые должны предназначаться для общественного пользования, доступны в приемлемой форме и у индивида есть свобода действий или монополия доступа к этим ресурсам (Klitgaard, 1988). Эта модель понимания коррупции как «возможность плюс побуждение» заимствована из экономики, но может быть также адаптирована для концептуализации взаимосвязей между социокультурными переменными и коррупцией.

Как и в случае с благополучием, целый ряд переменных связан с различиями в коррупции на уровне обществ. Для своего исследования С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) использовали два измерения ценностей, разработанные

Р. Инглхартом и У. Бейкером (Inglehart, Baker, 2000), так как это были единственные эмпирические измерения, для которых имелись лонгитюдные данные большого количества стран. В первом измерении противопоставляются традиционные ценности (которые подчеркивают уважение к власти и почтительное отношение к родителям, социальную конформность, большее влияние религии и консервативное социальное поведение) и рациональные ценности (которые придают особое значение большему эгалитаризму и толерантности). Второе измерение противопоставляет ценности выживания (которые акцентированы на тяжелом труде, ограниченном количестве свободного времени, приверженности материальным ценностям, авторитарном правлении) и ценности самовыражения (в которых делается акцент на качестве жизни и правах человека выражать себя свободно и бросать вызов существующему порядку).

Ценности самовыражения могут снижать побуждение к коррупционным действиям, так как они акцентируют межличностное доверие и ставят заботу об интересах общества выше личной выгоды (Welzel, Inglehart, 2010). В подтверждение этому предположению К. Велзел с соавт. (Welzel et al., 2003) обнаружили, что страны, которые изначально характеризовались высокими показателями ценности самовыражения, обладали более низким уровнем коррупции (отсроченная корреляция между ценностями и коррупцией). У. Зандхольц и Р. Таагепера (Sandholtz, Taagepera, 2005) установили сходную взаимосвязь между ценностями

самовыражения и более низким уровнем коррупции в перекрестном анализе. Сходным образом, рациональные ценности могут создавать меньше возможностей для коррупции, поскольку они способствуют более эгалитарному обществу, в котором меньше укоренившихся иерархических структур и дисбаланс власти, что означает, что люди в обществе с более рациональными ценностями с меньшей вероятностью будут иметь возможность обладать — и потенциально злоупотреблять — высокой свободой действий и властью. В соответствии с этим предположением У. Зандхольц и Р. Таагепера (там же) установили, что рациональные ценности положительно коррелируют с более низким уровнем коррупции, и объясняли приблизительно четвертую часть различий средних показателей по коррупции между странами. Богатство также влияет на коррупцию. Люди в бедных странах обычно имеют больше побудительных мотивов для вовлечения в коррупционные действия в силу их сравнительно высокой выгоды. Низкий уровень дохода приводит к тому, что трудно становится сводить концы с концами и повышается вероятность появления стремления создать дополнительный источник дохода. Кроме того, страны с низким уровнем дохода часто обладают меньшими финансовыми ресурсами для создания эффективных институтов контроля за соблюдением закона, что делает менее вероятным выявление коррупции и наложение взыскания. В соответствии с этим предположением было обнаружено, что уровень коррупции выше в бедных странах (Lambsdorff, 2006; Svensson, 2005).

Наконец, политические институты (такие как расширенное правительство и демократические конвенции) также могут влиять на возможности и побуждения к коррупции. Страны с расширенным правительством могут предоставлять больше социальных услуг и возможностей в области трудоустройства и иметь больше представителей обеспечения правопорядка, что снижает побуждение к коррупции (вследствие более низкой «необходимости» и более высокого риска быть пойманным). Демократические конвенции могут с большей долей вероятности обязывать политиков и чиновников отчитываться за свой доступ к ресурсам, что снижает возможность коррупции. В свою очередь, более низкая коррупция в правительстве может уменьшить воспринимаемую социумом допустимость коррупции, что сократит коррупцию и среди широкой общественности (Tavits, 2005). В соответствии с этим предположением и более обширный государственный сектор (Goel, Nelson, 2008), и более высокий уровень демократии (Sandholtz, Taagepera, 2005; Treisman, 2000, 2007) оказались связаны с меньшим уровнем коррупции.

С. О'Коннор и Р. Фишер (O'Connor, Fischer, 2012) сосредоточили свое внимание на нескольких вопросах, оставшихся нерешенными. Во-первых, предыдущие исследования коррупции не обращались к изменениям и тенденциям длительного периода. Поэтому авторы проанализировали данные лонгитюдных исследований в 59 странах при помощи двухуровневой линейной модели роста (за 28 лет). Во-вторых, они одновременно рассматривали относительную значимость

богатства, политических институтов и ценностей, использовали данные о коррупции, богатстве, политических институтах и ценностях за период с 1980 по 2008 г. в 59 странах. В ходе многоуровневого анализа было обнаружено, что рост богатства связан с понижением уровня коррупции, но изменения размера правительства или демократия в качестве индикаторов институтов не оказывают влияния на коррупцию. Что еще более важно: ни одна из ценностей не объясняла никакие изменения коррупции с ходом времени. Следовательно, единственной переменной, которая может прогнозировать изменение уровня коррупции, был рост благосостояния. Тем не менее общие социальные различия (указывающие на различия исходных показателей коррупции) объяснялись уровнем благосостояния, размером правительства и ценностями самовыражения. Большой доход, большие государственные расходы и более высокие показатели ценностей самовыражения были связаны с большей транспарентностью.

Если обратиться к ценностям самовыражения, то подтверждаются представления о том, что это ценностное измерение связано со значимыми различиями *между* обществами (Welzel, 2010). Страны, где ценятся индивидуальная автономия, социальное разнообразие и более эгалитарные социальные структуры, с меньшей вероятностью будут коррумпированы вне зависимости от экономических условий. Возможно, это позволяет предположить, что низкий уровень коррупции связан с «заботой об интересах общества», другим коррелятом ценностей само-

выражения (там же). Напротив, рациональные ценности не продемонстрировали предполагавшейся связи с коррупцией ни при сравнении между странами, ни при сравнении внутри стран. Это противоречит колониальным взглядам, которые до сих пор пропагандируются многими политиками и сторонниками транспарентности (Ferrieux-Patterson, 2003) и подразумеваются другими кросс-культурными исследователями (Connolly, Ones, 2008), что общества с более высоким уровнем коррупции могут *не* нуждаться в том, чтобы следовать примеру обществ, разделяющих так называемые рациональные и секулярные «современные» ценности (Inglehart, Baker, 2000), чтобы понизить уровень коррупции. П. Лармур (Larmour, 2005) приводит данные о том, что некоторые тихоокеанские сообщества заимствовали новые институты для снижения уровня коррупции, но при этом сохранили традиционные институты и ценности. Таким образом, традиционные ценности не противоречат попыткам противостояния коррупции.

В общем и целом полученные данные позволяют предположить, что изучение ценностей может помочь в понимании разнообразия между обществами, но на сегодняшний день есть все основания считать, что ценности не вовлечены напрямую в социальные изменения уровня коррупции. Фактически ценности могут не быть *каузальной* переменной изменений, но скорее отражать предшествующие экономические и социальные изменения (Inglehart, Baker, 2000; Welzel et al., 2003). Итак, данные наших лонгитюдных исследований становятся важным напоминанием об

ограничениях анализа ценностей. Для лучшего понимания социальной и культурной динамики кросс-культурным психологам стоит расширить их набор переменных, например, включить показатель благосостояния и его непосредственные психологические корреляты.

Работа С. О'Коннора и Р. Фишера расширила предшествующие перекрестные и панельные исследования (Lambsdorff, 2006; Svensson, 2005; Welzel et al., 2003), продемонстрировав стойкие эффекты влияния благосостояния на динамику уровня коррупции внутри стран и между странами. Эти результаты в целом показывают, что перекрестный анализ на уровне стран не дает адекватного понимания того, что влияет на динамику уровня коррупции. Так, организации, стремящиеся снизить уровень коррупции, должны скорее сконцентрироваться на лучшем понимании долговременной социальной динамики внутри отдельной страны, чем просто переносить институты и экономические стратегии из стран, где уровень коррупции ниже, и ожидать при этом, что эти институты будут работать так же хорошо в новых условиях. Другими словами, наши данные могут служить основанием для критики тех ситуаций, когда учреждения, такие как Всемирный банк, поддерживают идею заимствования международного «передового опыта» в целях лучшего управления вместо поиска

культурно-релевантных решений. В частности, данное исследование не предоставляет оснований для поддержания импорта демократических институтов или (принудительного) усвоения рациональных ценностей в качестве средств для снижения уровня коррупции (по меньшей мере, в краткосрочной перспективе).

Заключение

Кросс-культурные психологи могут сделать большой вклад в современные дискуссии и интервенции, целью которых являются изменение и развитие общества или смягчение негативных последствий текущих событий. В этой статье я обрисовал три различных возможных варианта, относящихся непосредственно к области классического исследования. Затем я привел два примера исследований, в центре внимания которых было изучение процессов, важных для тех, кто принимает политические решения. Это лишь два примера из практики нашей исследовательской группы, могут быть найдены многие другие достойные внимания примеры. Я надеюсь на то, что кросс-культурные психологи будут больше привлекаться и применять научные методы для того, чтобы помогать решению важных социально значимых проблем.

Перевод с англ. Т.Д. Панюшевой

Литература

- Arrindell W.A., Hatzichristou C., Wensink J., Rosenberg E., Twillert B., Stedema J., Meijer D.* Dimensions of national culture as predictors of cross-national differences in subjective well-being // *Personality and Individual Differences*. 1997. 23. 1. 37–53.
- Barber B.R.* Jihad vs. McWorld. Terrorism's challenge to democracy. L.: Corgi Books, 2003.
- Becker G., Stigler G.* Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers // *The Journal of Legal Studies*. 1974. 3. 1–18.
- Bhawuk D.P.S.* The role of culture theory in cross-cultural training: A multi-method study of culture specific, culture-general, and culture theory-based assimilators // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. 29. 5. 630–655.
- Binswanger M.* Why does income growth fail to make use happier? Searching for the treadmills behind the paradox of happiness // *Journal of Socio-Economics*. 2006. 35. 366–381.
- Bonini A.N.* Cross-national variation in individual life satisfaction: Effects of national wealth, human development, and environmental conditions // *Social Indicators Research*. 2008. 87. 2. 223–236.
- Brenner L., Rottenstreich Y., Sood S.* Comparison, grouping, and preference // *Psychological Science*. 1999. 10. 225–229.
- Cacioppo J.T., Patrick W.* Loneliness. Human nature and the need for social connection. N.Y.: Norton, 2008.
- Chirkov V.I., Ryan R.M., Willness C.* Cultural context and psychological needs in Canada and Brazil: Testing a self-determination approach to the internalization of cultural practices, identity and well-being // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. 36. 423–443.
- Chirkov V.I., Ryan R.M., Kim Y., Kaplan U.* Differentiating autonomy from individualism and independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. 84. 97–110.
- Christopher J.C.* Situating psychological well-being: Exploring the cultural roots of its theory and research // *Journal of Counselling and Development*. 1999. 77. 141–152.
- Connelly B., Ones D.* The personality of corruption: A national-level analysis // *Cross-Cultural Research*. 2008. 42. 4. 353–385.
- Cushman P.* Why the self is empty: Toward a historically situated psychology // *American Psychologist*. 1990. 45. 599–611.
- Desmeules R.* The impact of variety on consumer happiness: marketing and the tyranny of freedom // *Academy of Marketing Science Review*, 2002. 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amsreview.org/articles/desmeules12-2002.pdf>
- Diener E.* Guidelines for National indicators of subjective well-being and ill-being // *Applied Research in Quality of Life*. 2006. 1. 151–157.
- Diener E., Diener M., Diener C.* Factors predicting the subjective well-being of nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. 69. 5. 851–864.
- Diener E., Oishi S., Lucas R.E.* Personality, culture, and subjective well-being: emotional and cognitive evaluations of life // *Annual Review of Psychology*. 2003. 54. 403–425.
- Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M.* The relationship between income and subjective well-being: Relative or absolute // *Social Indicators Research*. 1993. 28. 195–223.
- Diener E., Seligman M.E.P.* Toward an economy of well-being // *Psychological Science in the Public Interest*. 2004. 5. 1. 1–31.

Ferrieux-Patterson M.N. Conflict of interest—Vanuatu's Experience: Conference Paper, 4th regional conference of the ADB/OECD Anti-Corruption Initiative for Asia and the Pacific, Kuala Lumpur, Malaysia, 2003. 3–5 December. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adb.org/Documents/Books/Controlling-Corruption>.

Fischer R. Cross-cultural training effects on cultural essentialism beliefs and cultural intelligence // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. 35. 767–775.

Fischer R., Boer D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout and anxiety across 63 societies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. 101. 164–184.

Fischer R., Hanke K. Are societal values linked to global peace and conflict? // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2009. 15. 3. 227–248.

Flanagan S., Lee A.-R. The new politics, culture wars, and the authoritarian-libertarian value change in advanced industrial democracies // *Comparative Political Studies*. 2003. 36. 235–270.

Goel R., Nelson M.A. Causes of corruption: history, geography, and government // BOFIT Discussion Paper 6/2008, Bank of Finland. Helsinki, 2008.

Goldberg D.P. The detection of psychiatric illness by questionnaire: A technique for the identification and assessment of non-psychotic psychiatric illness. N.Y.: Oxford University Press, 1972.

Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty? // *Economics of Governance*. 2002. 3. 23–45.

Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Hogg M.A. Uncertainty-identity theory // M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39. P. 69–126.

Hsee C.K., Hastie R. Decision and experience: Why don't we choose what makes us happy? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. 10. 1. 31–37.

Hsee C.K., Hastie R., Chen J. Hedonomics: Bridging decision research with happiness research // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. 3. 3. 224–243.

Inglehart R. Modernization and post-modernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Baker W. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. 65. 19–51.

Inglehart R.F., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, freedom, and rising happiness. A global perspective (1981–2007) // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. 3. 4. 264–285.

Iyengar S.S., Lepper M. When choice is demotivating: Can one desire too much of a good thing? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. 76. 995–1006.

Johnson J.P., Lenartowicz T. Culture, freedom and economic growth: Do cultural values explain economic growth? // *Journal of World Business*. 1998. 33. 4. 332–354.

Karlan D., Zinman J. Microcredit in theory and practice: Using randomized credit scoring for impact evaluation // *Science*. 2011. 332. 1278–1286.

Kenny C. Does development make you happy? Subjective wellbeing and economic growth in developing countries // *Social Indicators Research*. 2005. 73. 199–219.

Khaled R., Barr P., Biddle R., Noble J., Fischer R. Game design strategies for collectivist persuasion // *Proceedings of the 36th International Conference and Exhibition*

on Computer Graphics and Interactive Techniques, SIGGRAPH 2009.

Klitgaard R. Controlling corruption. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.

Lambsdorff J.G. Causes and consequences of corruption: What do we know from a cross-section of countries? // International handbook on the economics of corruption. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006. 3–51.

Lane R.E. The loss of happiness in market democracies. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

Larmour P. Culture and corruption in the Pacific Islands: Some conceptual issues and findings from studies of National Integrity Systems. Asia Pacific School of Economics and Government Discussion Paper, Policy and Governance. Canberra: Australian National University, 2005.

Lipsey M.W., Wilson D.B. Practical meta-analysis. London: Sage, 2001.

Maslach C., Jackson S.E. The Maslach Burnout Inventory Manual. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc., 1986.

Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behaviour. 1981. 2. 99–113.

Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job Burnout // Annual Review of Psychology. 2003. 52. 397–422.

Méon P., Sekkat K. Does corruption grease or sand the wheels of growth? // Public Choice. 2003. 122. 69–97.

Moore S.C. The value of reducing fear: an analysis using the European Social Survey // Applied Economics. 2006. 38. 115–117.

O'Connor S., Fischer R. Predicting corruption across time: Values, wealth or institutions? // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. 43. 4. 644–659. Doi: 10.1177/0022022111402344 (in press).

Putnam R.D. Bowling alone. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

Rose-Ackerman S. Corruption: A study of political economy. N.Y.: Academic Press, 1978.

Ryan R.M., Deci E.L. Overview of self-determination theory: An organismic dialectical perspective // E.L. Deci, R.M. Ryan (eds). Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002. P. 3–36.

Sandholtz W., Taagepera R. Corruption, culture, and communism // International Review of Sociology. 2005. 15. 109–131.

Schwartz B. Be careful what you wish for: The dark side of freedom // R.M. Arkin, K. C. Oleson, P. J. Carroll (eds). The handbook of the uncertain self. N.Y.: Psychology Press, 2010. P. 62–77.

Schwartz B. The paradox of choice: Why more is less. N.Y.: Ecco Press, 2004.

Schwartz B. Self-determination: The tyranny of freedom // American Psychologist. 2000. 55. 79–88.

Schwartz S.H. Beyond individualism-collectivism: New cultural dimensions of values // U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi, G. Yoon (eds). Individualism and collectivism: Theory, method and applications. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.

Schwartz S.H. Mapping and interpreting cultural differences around the world // H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds). Comparing cultures, dimensions of culture in a comparative perspective. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. P. 43–73.

Schwartz S.H. Values: Cultural and individual // S.M. Breugelmans, A. Chasiotis, F.J.R. van de Vijver (eds). Fundamental questions in cross-cultural psychology, 2010.

Schyns P. Crossnational differences in happiness: Economic and cultural factors explored // Social Indicators Research. 1998. 43. 1. 3–26.

Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inven-

tory. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1970.

Stevenson B., Wolfers J. Economic growth and subjective well-being: reassessing the Easterlin paradox. Brookings papers on Economic activity, 2008.

Suh E.M., Koo J. Comparing subjective well-being across cultures and nations: The «what» and «why» questions // M. Eid, R.J. Larsen (eds). The science of subjective well-being. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 414–427.

Svensson J. Eight questions about corruption // Journal of Economic Perspectives. 2005. 19. 19–42.

Tavits M. Causes of corruption: Testing competing hypotheses. Oxford: Nuffield College, University of Oxford, 2005.

Transparency International (2009). Corruption Perceptions Index. Retrieved. 2010. 2. January. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi.

Treisman D. The causes of corruption: A cross-national study // Journal of Public Economics. 2000. 76. 399–457.

Treisman D. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // Annual Review of Political Science. 2007. 10. 211–244.

Van Hemert D.A., Van de Vijver F.J.R., Poortinga Y.H. The Beck Depression Inventory as a measure of subjective well-being: A cross-national survey // Journal of Happiness Studies. 2002. 3. 257–286.

Vauclair C.-M., Hanke K., Fischer R., Fontaine J.R.J. The structure of human values at the culture level: A meta-analytical replication of Schwartz's value orientations using the Rokeach value survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. 42. 186–205.

Veenhoven R. The cross-national pattern of happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness // Social Indicators Research. 1995. 34. 33–68.

Veenhoven R. Happiness in nations. The Netherlands: RISBO, Rotterdam, 1993.

Veenhoven R. Is happiness a trait? // Social Indicators Research. 1994. 32. 101–160.

Veenhoven R. Is happiness relative? // Social Indicators Research. 1991. 24. 1–34.

Veenhoven R. Quality-of-life in individualistic society. A comparison of 43 nations in the early 1990s // Social Indicators Research. 1999. 48. 157–186.

Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being // M. Eid, R.J. Larsen (eds). The science of subjective well-being. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 44–61.

Veenhoven R. World Database of Happiness. Erasmus University Rotterdam, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl>.

Welzel C. How selfish are self-expression values? A civiness test // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. 41. 152–174.

Welzel C., Inglehart R. Values, agency, and well-being: A human development model // Social Indicators Research. 2010. 97. 43–63.

Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.D. The theory of human development: A cross-cultural analysis // European Journal of Political Research. 2003. 42. 341–379.

World Bank. Governance and anti-corruption. Retrieved September 25, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/wbi/governance>.

Zim D.L. Afterword — Anthropology and corruption: The state of the art // D. Haller, C. Shore (eds.). Corruption: Anthropological Perspectives. L.: Pluto Press, 2005. P. 229–243.